

Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт. 2021» - Малая проза

Номинация «Малая проза» 2021

[Смирнов Михаил Иванович](#) (персональный номер участника - 33)

[Козлова Светлана Александровна \(Милена Миллинткевич\)](#) (101)

[Кулинченко Вадим Тимофеевич](#) (27)

[Можаев Александр Николаевич](#) (30)

[Синицкий Геннадий Николаевич](#) (38)

[Овчинникова Марина Борисовна](#) (87)

[Павлова Ольга Геннадьевна](#) (24)

[Семибратская Виктория Владимировна](#) (19)

Первое место (золото) и звание лауреата. **Смирнов Михаил Иванович** – родился в 1958 году в городе Салават. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп» за выдающиеся достижения инвалидов в области культуры и искусства, а также ряда других значимых международных премий. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Член Союза писателей России. Живёт в городе Салават.

Солдаты шли в атаку

Сыпала холодная морось. Черные поля превратились в непролазные болота, низины заполнены жидкой грязью и талым снегом. Не пройти, ни проехать...

– Скорее бы... – вздохнул усатый пожилой солдат. – Который день не двигаемся. Морось сеет и сеет. Одежка наскрозь промокла. Скорее бы...

– Успеешь на тот свет, – хохотнул разбитной крепыш в драной телогрейке. – Я вот не тороплюся. У меня столько недоцелованных девок осталось, что не могу помереть, пока всех не переобнимаю...

– Тьфу, дурень! – сплюнул сосед. – Ты, Мокеич, не слухай этого обормота. Все разговоры к бабам сведет...

– Да я не обращаю внимания, – сказал старый Мокеич, и прислушался к беспорядочной стрельбе. – Он молодой. Кровь играет, вот и болтает. Тут понимаешь, Федор Василич, какое дело... Ждать не люблю. Если в атаку, чтобы подняли нас и вперед на фашистов и гнать их, сволочей, пока последнего не прикончим. А ежели уготована судьбой поймать пулю, пусть тоже сразу будет. Чтобы не мучился. Чмокнет в лоб, и нет меня. Я место для себя присматриваю, когда в атаку поднимают. Вот и сейчас... Ты, Федор Василич, видишь лесок? Вон, березоньки растут. Если мне уготовано пымать пулю, средь березок схороните и напишите, что здесь лежит Порфирий Мокеич Лукин из деревни Наумовка, что под Томском. Обязательно под березами! Светлые они, чистые. Пусть над головой шумят. Глядишь, путник остановится. Прочитает, что я лежу. Глядишь, помянет. Ну, а не помянет, просто посидит. Отдохнет в теньке, а потом дальше пойдет...

– Что торопишься, Порфирь Мокеич? – влез разбитной Петька. – Твоя пуля тебя найдет, если на роду написано. Не жди её, не трави душу. Надо неожиданно. Ну, как я делал до фронта. К примеру, понравится девка. Я не жду, и не вздыхаю, как другие. А сграбастаю девку, и в щечку чмокну. А сам держу, чтобы не вырвалась. И она растаивает. «Ах, Петюня, как посмел без разрешений?» А что я? Тут разрешение не треба, а нужна смелость, как у меня, к примеру. Ага...

– Тьфу ты, бесстыдник! Гляди, отцы-то ее поглядят, вмиг юшкой зальешься, что девок позоришь, – чертыхнулся Федор Василич, а солдаты реготнули, но притихли, когда командир взвода посмотрел на них, кивнул юркому Корнею Мохову, снова взглянул на солдат и, выбравшись из окопа, они с Корнеем Моховым быстро проползли по раскисшему снегу и прошмыгнули в разбитую избу подле озерка. – Наш в разведку полез. Отчаянный! Будут с Моховым за фашистами наблюдать. Не иначе, в атаку поднимемся. Скорее бы война закончилась. Весна. Землица истосковалась. Пахать-сеять нужно. Если вернусь, упаду на землю и буду обнимать её и ласкать, как бабу свою. Эх, жизнь...

Он вздохнул. Вытащил кисет и задумался, вспоминая прошлую мирную жизнь и супругу свою.

– Наш взводный молодой, а серьезный – страсть, – покачал головой Мокеич и ткнул локтем. — Угости табачком, Федор Василич, а в следующий раз мой покурим.

Они закурили, каждый о чем-то задумавшись.

Солдаты тоже молчали, прислушиваясь к разрывам снарядов.

– О, лупят в белый свет, как в копеечку, тока боеприпасы зазря тратят, – не удержался разбитной

Петька. – Слышь, братцы, почему не придумают пули, чтобы, к примеру, стрельни в любую сторону, а она все равно попадет во врага? Мы бы всех врагов перебили. Эх, умишка не хватает мне, а то бы...

Он замолчал и зажмурился, мечтая, если придумать пули, чтобы сразу наповал разили фашистов и прихвостней, вот тогда бы... Петька вздохнул.

– Ну-ка, никшни! – хмуро сказал солдат, кутаясь в шинель. – Неча других осуждать. Лучше за собой смотри, и не суй нос, куда не просят, можешь потерять...

Он замолчал, и неопределенно покрутил рукой.

– Пугаешь меня, да? – взвился Петька, но тут же уселся на дно окопа, когда его дернули за полу фуфайки.

– Что бошку под пули подставляешь? – загомонили солдаты. – Там снайпер сидит. Головы не поднять, а ты выстрочился, храбрец. Велика фигура, да дура...

– А что он вздумал пугать меня? – стал заводиться Петька. – Напугал ежа голой...

И замолчал, когда в бок ширнули кулаком.

Где-то протарахтела очередь, за ней другая. Со стороны немцев залошшно застрочили пулеметы и затихли. Снова короткие очереди и в ответ заработали минометы.

– Глянь, как фашистов выманивают, – усмехнулся Порфирий Мокеич. – Сейчас наши наблюдатели наставят крестиков, где пулеметы, минометы и орудия находятся, разведчики языка приволокут, в штабе обсудят и дадут команду из пушек стрелять, и куда только фашистские минометы разлетятся. Что ни говори, у немцем нервишки шалют. Не то, что в начале войны были. А сейчас разок стрельнешь, а они обойму выпускают, да еще торопят! Эть, дураки какие!

– Дураки или нет, а сколько наших полегло за годы войны – это не счесть! – проворчал Федор Василич, прислушиваясь к очередям и разрывам мин. – Видать, нужно к атаке готовиться. Уж который день наши беспокоят фашистов. Вон, слышите? Ага, наш пулемет застрочил. И там не удержались, вон как стараются. Наши – молодцы! Вон, какую подготовку ведут. Я нынче видел Ивана Головина. Он шепнул, скоро поднимемся. Большое наступление ожидается. Уже танки под покровом ночи подошли. В лесочке спрятались. Скорее бы...

Сказал и вздохнул.

– Хорошо, что танки. За ними пойдем, – сказал Петька. – Такая силища поперет, все фашисты разбегутся.

– А ты хотел впереди танков бежать? – солдаты хохотнули и притихли. – Представляем, как Петька в драной телогрейке несется быстрее танков. От такого вида немцы будут драпать. Петька, подлатай телогречку. Хвастаешься, за девками ухлестываешь, а сам в драных штанах разгуливаешь. Так отморозить недолго...

И расхохотались, но тихо, чтобы не услышали.

– Что ржете, жеребцы? – опять взвился Петька. – В прошлую атаку осколками продырявило телогрейку. Как рвануло неподалеку, думал, что конец пришел, дым рассеялся, на мне ни

царапинки, а вся одежда в клочья, даже сапоги в двух местах зацепило. Видать, не мой снаряд прилетел. Да, Мокеич? Ты же мастак по своим пулям...

И покосился на пожилого солдата.

– Не щерься, – заворчал Мокеич. – Тебя ничем не возьмешь. На штык напарывался, кишки по земле волок, другой бы помер, а ты жив остался. Вернулся из госпиталя, так словно шило в одно место сунули. Никакого покоя от тебя. И стреляли, даже на переправе выплыл, когда рядом разорвался снаряд. Все потонули, а он выбрался...

– Так это... – кто-то из солдат реготнул. – Говорят, что оно не тонет, так и наш Петька...

Не договорил. Петька приложился широченной ладонью по каске. Солдата не качнуло, у него словно ноги разъехались, и он лицом ткнулся в грязь. И солдаты не удержались. Взглянув, как он возился в грязи, пытаясь подняться, они расхохотались.

– Я вижу, и ты не тонешь, – сказал Петька, ухватился за воротник и поднял солдата. – А в следующий раз покрепче приложусь. Я бычка с ног валю, а ты, худосочный, из штанов выскочишь. Эх, помню, как с Танькой Колесниковой гуляли, а навстречу нам...

– Опять взялся за старое, – перебил Мокеич. – О чем бы ни говорил, все разговоры к девкам сведет.

– А что делать-то? – сказал Петька и зажмурился. – Вот вернусь после войны и сразу женюсь. Нет, не сразу. Сначала наверстаю, что не успел, а потом женюсь. Девку возьму тихую да работающую. Пусть не красавица. Главное, чтобы по душе пришлась. Эх, зажили бы с ней!

И замолчал.

Молчали и солдаты. Каждый думал о своем. Может семью вспоминали, а может, думали про эту проклятую войну и мечтали вернуться домой. Контуженными, израненными, без рук или ног, но вернуться. Наверное, так и было...

– У нашего комбата отец погиб, – сказал Федор Василич. – Помните, фашисты прорывались под Ивановкой? Пополнение в последний момент подоспело и сразу в бой. Некогда было знакомиться. Сразу в бой! А после боя стали подсчитывать потери. Раненых в санбат или в госпиталь определили, а документы погибших понесли комбату. И тут выяснилось, что среди них был его отец. Вот так судьба распорядилась, что оба в одном бою находились, а друг друга не увидели. Комбат почернел, когда взглянул на документы. Теперь всю жизнь будет корить себя, что отца не сберег. Эх, жизнь...

Федор Василич ссутулился, опустив голову.

– А если бы знал, что батя прибыл, неужто отца в бой не пустил? – донесся голос. – При себе держал бы?

– Мы не знаем, что у комбата на уме, – пожал плечами Федор Василич. – Всё же отец, но в то же время он – солдат...

Замолчал. Достал кисет. Скрутил сигарку. Прикурил. Несколько раз затянулся и протянул Мокеичу.

– На, друг, покури, – глухо сказал он и прислушался к гулу канонады. – Наши палят. Потом, наверное, мы тронемся.

– Скорее бы, – сказал Мокеич и торопливо стал затягиваться, а сам поглядывал то в сторону леса, где были танки, и ветром доносило запах солярки, то в сторону немецких окоп, откуда слышались разрывы снарядов. – Не люблю ждать. Скорее бы...

Он покрутил окуроч и сунул его Петьке, который стал быстро затягиваться едким дымом.

В окоп скатился взводный. Следом юркнул Корней Мохов, чуть не угодив на спину Порфирия Мокеича. Чертыхнулся и бросился к блиндажу. Взводный помотал головой. Схватился рукой за каску. Голова дергалась после контузии. Долго смотрел на солдат в окопе. С недоумением взглянул на Петьку и рявкнул.

– Никандров, почему не заменил ватник? Я кому говорил, а?

– Так это... – Петька развел руки в стороны. – Это... Я все перемерил, а рукава до локтей. Старшина сказал, что подберет для меня и притащит. Видать, не может найти.

Сказал и снова развел руками.

Взводный нахмурился. Посмотрел на него. Скрипнул зубами. Погрозил кулаком. Прислушался к гулу.

– Скоро в атаку двинем, – задергалась щека, в оскале открывая рот, и взводный тут же схватился за нее. – Петров, Шорсткин, что головы высовываете. Отстрелят. А ты чего развалился посреди окопа? – он рявкнул на солдата, который ковырялся в вещмешке. – Не на базаре сидишь. Сдвинься! Приготовьтесь. После артподготовки пойдем. По сигналу красной ракеты поднимайтесь. Не высовывайтесь раньше времени! Там взвод Малинина? – он заторопился, крикнув снова. – Ждите ракету. Ждите!

И, пригибаясь, направился в сторону леска.

Следом за ним, пригнув голову, направился политрук. Остановился возле них. Задумчиво взглянул, а потом улыбнулся.

– Ну, бойцы, держитесь, – хриловато простужено сказал он. – Прошло время, когда мы отступали. Ждите ракету. Теперь погоним фашистов с нашей земли-матушки. В шею погоним, чтобы никогда к нам не совались. Нас не победить, потому что мы...

И он замолчал, сжал кулак и погрозил. Нахмурился, снова посмотрел на солдат и заторопился к другому взводу, который неподалеку расположился.

– Ну вот, снова ждать, – заворчал Мокеич, сам невольно провел рукой по застегнутому ватнику, чуть сдвинул каску на глаза и застыл, прислушиваясь к разрывам снарядов, потом взглянул на березовую рощицу и не удержался, ткнул локтем. – Ты, Федор Василич, не забудь, о чем попросил тебя. Ежели встречусь со своей пулей, знаешь, что делать.

И кивнул в сторону березового леска.

– Мы еще повоюем, – медленно сказал Федор Василич. – Мне за сынков нужно рассчитаться. Никак нельзя помирать. Поклялся, до Берлина дойду, но отомщу за сыновей. С лихвой рассчитаюсь за каждого сына, которые погибли на этой проклятущей войне.

Медленно говорил. Каждое слово камнем ложилось на душу. Зубами заскрипел: громко, знобко –

больно. Лицо в камень превратилось, а взгляд тяжелый и колючий...

Солдаты притихли. Слово-два скажут и снова тишина. Вроде спокойно сидят, а в то же время, словно струны натянутые. Треть и зазвенят. Треть, и сорвутся с места.

Закончился артоналет. Наступила тишина. Такая тишина, аж в ушах зазвенело. Солдаты подняли головы, всматриваясь в серо-черное небо, где красным полыхнула ракета. И взрвали танки, понеслись на врага. Вблизи, на краю окопа появился политрук, на мгновение застыл, потом взмахнул рукой и, перекрывая танковый гул, разнесся протяжный хрипловато-простуженный голос:

– Батальон, в атаку!

И, разрастаясь широким фронтом, прокатилось оглушительно-непобедимое:

– Ура-а-а!

Солдаты шли в атаку...

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Козлова Светлана Александровна (Милена Миллинткевич)** – родилась в Краснодаре.

В 1991 году окончила педагогическое училище. Последние годы ограничена в движении. Возможность заниматься литературным творчеством частично заменяет полноценную жизнь здорового человека. Творческие предпочтения - философская лирика, любовный роман, психологическая драма. Черпает вдохновение в редких прогулках по аллеям парков, скверов и бульваров «Маленького Парижа».

Живёт в Краснодаре.

Спасибо, сынок

(по воспоминаниям участника событий)

Командир дивизиона зенитных орудий размашистой походкой торопился вдоль колонны машин. С трудом поспевая за ним, следом бежал коренастый ефрейтор в потёртой выцветшей гимнастёрке и прокуренным голосом басил:

– Да как же это, товарищ полковник! Без командира выступать? Орудиям без старшого никак нельзя!

– Вот вы, ефрейтор Морозов и будите пока старшим. А командира мы вам дадим, не сомневайтесь!
– выпалил полковник, притормозив на миг и обернувшись.

Из-за орудия, уже подцепленного к малолитражке, вынырнул начальник штаба:

– Где комдив? Невидали?

Столкнувшись, нос к носу с тем, кого искал, он вытянулся по струнке и доложил:

– Товарищ комдив! С курсов подготовки командиров отделений пополнение прибыло.

– Хорошо! Вовремя! – обрадовался полковник и повернулся к ефрейтору Морозову. – Я же сказал, дадим вам командира. Вот!

И подмигнув майору, бодро зашагал к штабной машине.

* * *

– Ну, как? Поговорили? – встретили Морозова бойцы зенитного отделения. – Дадут нам командира?

– Дадут, – недовольно проворчал ефрейтор. – Небось, такого же недотёпу, как был.

– С чего ты взял? – хмыкнул рябой боец, сворачивая самокрутку.

– Да, вишь, какое дело. Начштаба сказал, пополнение прислали. Только из-за парты.

– Э-хе-хе... – самый старший в расчёте седой артиллерист покачал головой. – Не будет проку нам от такого командира.

– Отделение! Стройся! – из-за орудия вышел начальник штаба. – Вот. Знакомьтесь. Младший сержант Василий Сушенко.

Бойцы переглянулись.

Щуплый парнишка, по виду вчерашний школьник, стоял рядом с майором и сжимал в руке вещмешок.

– Этот? – удивился Морозов. – Да ему ещё за юбкой мамкиной ходить, а не фрицев бить.

– Ефрейтор Морозов! – прикрикнул на недовольного бойца начштаба. – Разговорчики!

– Виноват, товарищ майор. Но нам бы командира. У нас тут, знаете ли, не детский сад. Юнцам сопли подтирать не обучены.

– Ох, Морозов, дождёшься ты у меня! Скажи спасибо, замполит не слышит. Он у нас нраву крутого, сам знаешь.

– Знаю! – буркнул ефрейтор. – Больше не повторится. Только надоело нам после каждого боя командира хоронить: то под осколок шальной попадёт, то под затвор угодит, то и вовсе...

Под тяжёлым взглядом начальника штаба Морозов умолк. Притихли и бойцы. Опустили головы, искоса посматривая, то на майора, то на нового командира.

Оглядев недовольные лица зенитчиков, начштаба подтолкнул Василия вперёд.

– Младший сержант Сушенко окончил курсы командиров при артиллерийском полку. До того служил в пехоте. Стреляный, стало быть. И попрошу запомнить, он вам не юнец, а товарищ командир, все поняли?

– Так точно! – послышались недовольные голоса.

Гулкое эхо разнеслось по колонне.

– По машинам!

Бойцы взобрались в кузов и огляделись.

– А куда это наш младший сержант подевался? – съязвил Морозов. – За начштабом увязался? Решил, его в командирском газике, как барышню катать станут?

Бойцы засмеялись.

– Небось, дёру дать решил, пока фрицы нам не наваляли, – хохотнул рябой наводчик.

– Кто ещё навалает! – услышали они за спиной уверенный молодой голос.

Бойцы медленно развернулись. Юный командир стоял в кузове возле кабины и смотрел в удивлённые лица зенитчиков.

– Не 41-й. Теперь мы будем немцев гнать, да так, что не забалуют.

Бойцы переглянулись. Никто из них не видел, когда Василий забрался в кузов.

– Хватит разговоров, – твёрдо заявил командир. – Приготовиться к движению.

* * *

По ухабистой дороге, грохоча и поскрипывая, медленно двигалась вереница машин артиллерийского дивизиона. Гул приближающихся немецких самолётов Василий услышал бы даже во время канонады. Слишком свежи были в памяти недавние налёты на его родной город.

– Воздух! – тарабаня по крыше кабины, закричал он, и, не дожидаясь, пока машина остановится, выпрыгнул из кузова в траву.

– Орудия к бою!

Качнувшись на очередном ухабе, малолитражка, дёрнулась и встала. Впереди остановился командирский Газик. Позади – замерла колонна.

– По местам!

Бойцы, словно ждали приказа. Выскочили из кузова и, скинув чехлы с зениток, направили стволы в небо. Отделение Василия Сушенко первым открыло заградительный огонь. Остальные орудия тоже молчать не стали. И вскорости небо вновь засияло синевой.

– Как вы почувствовали немцев? – удивлялся комдив, глядя, как бойцы младшего сержанта Сушенко зачехляют неостывшее орудие.

– Я их кожей чувствую, гадов! – ответил юный командир, с силой сжимая кулаки так, что на потемневших от пороха руках проступили побелевшие костяшки пальцев.

* * *

– Это важная линия обороны, прошу запомнить. От ваших действий зависит исход будущей операции. Ни один самолёт не должен миновать Балашовский вокзал, – отдавал распоряжение командир дивизии. Вы поняли приказ? Младший сержант Сушенко? Сержант Горюнов?

– Так точно, товарищ комдив! Не пропустим, – отчеканили командиры.

– Постарайтесь, хлопцы. Под утро ещё два состава придёт. Штаб фронта поставил задачу – во что бы то ни стало форсировать Днепр в срок. От нас ждут только победы.

– Не подведём, товарищ комдив!

* * *

– Горюнов! – прокричал Василий, глядя, как сержант медленно осел на землю у ящиков с боеприпасами. – Не время отдыхать, Горюнов, слышишь?

– Погиб сержант Горюнов, товарищ командир. Осколочное, кажись, – пробасил за спиной ефрейтор Морозов.

В который раз подивившись, что Морозовскому голосу даже обстрел не помеха, Василий Сушенко перепрыгнул через станину и в три прыжка оказался возле осиротевшей зенитки.

– Отделение! Слушай мою команду. Развернуть орудие и поставить в сторону Харькова.

– Да неужто в своих стрелять станем?

– Как же мы будем вражеские самолёты сбивать, когда спиной к ним поворотимся?

– Ты, командир со страху совсем ополоумел?

Возмутились зенитчики.

– Фашисты вот-вот вернуться, – прикрикнул на них Василий. – Выполнять!

Бойцы Горюнова поутихли. С недовольством посматривая на нового командира, они медлили. Но под тяжёлым взглядом бойцов основного отделения, принялись разворачивать орудие.

Когда же ствол зенитки уставился в сторону города, Василий подошёл к наводчику.

– Зарядите орудие и ждите. Если какой самолёт прорвётся через наш огонь, вы его не упустите.

Сообразив, наконец, каков был замысел младшего сержанта, наводчик кивнул:

– Не прорвётся, командир. Не пустим!

– Добро! Скоро начнётся, а уж тогда гляди в оба! – посматривая на небо, похлопал бойца по плечу Василий.

– Мессеры! – неожиданно прокричал рябой наводчик, когда вдалеке замаячили силуэты вражеских самолётов.

– Отделения! К бою!

* * *

– Мужики! Кажись, командующий? – пробасил Морозов и присел возле орудия.

– Да ну?

– Ага, Конев, как есть, – закивал рябой.

– Не! Не он это!

– Точно тебе говорю!

Генерал в сопровождении командира дивизии, начштаба и замполита, шёл по перрону мимо опустевшего состава.

Чем ближе начальствующие чины подходили к зенитной батарее, тем тише становился шёпот артиллеристов. Когда офицеры подошли вплотную, бойцы, опомнившись, выскочили из-за бруствера и вытянулись по стойке «смирно».

– Вот, товарищ командующий, – представил бойцов офицер сопровождения, – объединённое отделение зенитной артиллерии, прикрывавшее Балашовский вокзал. Благодаря им во время массированного вражеского налёта удалось практически без потерь обеспечить разгрузку железнодорожных составов с силами и средствами для подготовки форсирования Днепра.

Командующий внимательно оглядел батарею.

– Как же вы так, хлопцы, а? – покачал головой генерал. – Безобразие! Ни один самолёт не пропустили. Всех сбили! Ай-ай-ай!

Бойцы не сразу сообразили, что Конев шутит. Переминаясь с ноги на ногу, они косились на опустившего голову покрасневшего командира и на, отчего-то улыбающихся, комдива и начштаба.

– А почему у вас орудие в сторону своих направлено? – неожиданно строго спросил не понявший шуточки замполит.

– Непорядок! – поддержал его, улыбаясь, комдив.

– Да вот, товарищ генерал, – рискнул вступиться за отделение всегда словоохотливый и не сдержанный на язык Морозов, – командиру нашему спасибо. Молодой, да башковитый оказался. Фрицев на обе стороны бил. Мужик, одним словом!

Командующий и комдив переглянулись. А Василий поправил фуражку и отчеканил:

– Командир объединённого отделения зенитной артиллерии младший сержант Сушенко товарищ генерал армии!

Конев посмотрел на Василия, обвёл взглядом оба орудия, бойцов и усмехнулся:

– Мужик, говорите? Ну, положим, мужиком он станет на следующий год, когда восемнадцать исполнится. А вот героем...

Генерал по-отечески похлопал юного командира по плечу и, словно опомнившись, протянул руку:

– Спасибо, сынок! – чуть слышно поблагодарил он.

Пожав по-детски хрупкую, но уже успевшую покрыться мозолями руку, Конев оглядел зенитчиков, замер на миг, и, не выпуская ладонь командира, тихо добавил:

– Всем вам, спасибо!

Повернувшись к офицерам, подмигнул комдиву и громко приказал:

– Начальник штаба! Оформляй наградные документы на оба расчёта. Заслужили!

* * *

После ухода Конева зенитчики облепили юного командира:

– Ты не серчай, сына, что спрошу. Стар я уже.

Седой боец присел на станину рядом с юным героем. Остальные расселись вокруг.

– Ты, конечно, нам командир, тут никто не поспорит. Только... Неужто, правду генерал сказал? Ну, об том, сколько годков-то тебе?

– Так и есть, – смутился Василий. – Семнадцать мне.

– Вот это молодец! – забасил ефрейтор.

Седой бросил гневный взгляд на Морозова и по-отечески, мягко, будто с малым дитятей заговорил с командиром:

– Как же батька с мамкой тебя отпустили, сына? Али сбежал?

Василий нахмурился, оглядел бойцов:

– Погиб отец мой. В 42-м. Здесь, под Харьковом, во время налёта.

Посмурнели зенитчики. Улыбка слетела с лица ефрейтора Морозова.

– Стало быть, сегодня ты за него отомстил, – хлопнул себя по коленям рябой наводчик и встал.

– Разобьём фашистов, вот и будет отмщение. За всех, кто погиб.

– А и то, верно, мужики! – мечтательно вскинул голову к сереющему небу Морозов. – Вот переправятся наши через Днепр, да как попрут фрица до самых стен Берлина. А мы их прикроем. Верно, говорю?

– Верно! – зашумели бойцы.

– И чтобы ни одна бисова душа больше по земле нашей не хаживала, – закуривая самокрутку, добавил седой. – А тебе, командир, от всех нас, стариков и тех, кто помоложе будет... За науку! Спасибо, сынок!

Третье место (бронза) и звание лауреата. **Кулинченко Вадим Тимофеевич** – родился в 1936 году в городе Острогожске Воронежской области. После окончания Высшего военно-морского училища Подводного плавания в 1958 году проходил службу на Северном флоте. Служил на дизельных, атомных лодках и в штабе Северного флота. капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий. (Израильско-Египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»). Неоднократный победитель нашего конкурса (лаурет и дипломант 2018, 2019, 2020) в номинациях малая проза и публицистика.

Живёт в г. Балашиха, Московской области.

Гора Воронья

Судьба моего отца, как и многих других рождения начала 20 века, с одной стороны обычна, с другой трагична, а с третьей необычна. Но, а с четвёртой – кому как повезёт!

Мой отец рождения 1912 года считал, что ему просто повезло пережить круговерть тех дней, особенно годы войны, и воспитать нас, своих детей, достойными гражданами нашей Родины. Поэтому мы перед ним в неоплатном долгу. Он получил смертельное ранение в голову, защищая ту самую гору Воронья, что под Ленинградом. Пуля прошла насквозь, как он шутил, говоря – Это была моя пуля!

Потеряв возможность читать и писать, он работал бондарем, благодарил за это своего отца – казака, который обучил его этому ремеслу. Растил нас, переживая все трудности, что переживала и страна – и послевоенные трудности, и голод, а главное, верил, что всё станет хорошо в нашей жизни. Но, к сожалению, наша вера в будущее всегда спотыкается перед какими-то препятствиями.

Впервые я узнал о боевом пути своего отца уже в возрасте 14 лет в 1950 году, когда мы заготавливали сушняк в лесу для ТОРГа, где он работал бондарем. Тогда все дома и организации города Острогожска отапливались дровами, уголь был дорогой, да его и не хватало. Каждая организация посылала летом в лес свои бригады заготовителей сушняка. Наша состояла из четырёх человек: отца, его друга фронтовика, которого тоже звали Тимофей, и нас двух подростков. Днём мы напряжённо работали, разыскивая сухие деревья, спиливая и распиливая их, собирали хворост. Вот почему тогда леса, в отличие от современных, были чистыми и светлыми. Ночью, два фронтовика вспоминали свои фронтовые дороги, а мы, затаив дыхание, слушали их.

Дядя Тимофей рассказывал, как он попал в плен, какие концлагеря прошёл, как несколько раз пытался бежать, его ловили, и какие издевательства он выдержал.

– Тебе, Тимофей, повезло, что получив такое тяжёлое ранение, ты не пережил ужаса плена, – говорил он отцу.

А отец рассказывал про рукопашные схватки с врагом, когда не хватало патронов и приходилось «ударять в штыки». От его рассказов у меня и сейчас идёт мороз по коже.

Отец рассказывает Тимофею – Знаешь, я имел бронь, но как-то совесть не позволяла отсиживаться. Да и батя мой, ты же его знаешь старого казака, говорит мне – А кто нас, Тимка, защитит от германца? Я уже старый, придётся тебе. Пошёл добровольцем. А раз состоял в активе райкома партии, то сразу направили на курсы политбойцов под Воронежем. Оттуда уже в конце августа попал в стрелковый полк, отступавший с боями в сторону Ленинграда. Фриц наседали, мы сопротивлялись. Приходилось ходить в штыковые...

– Вот и я в одной штыковой был ранен, и немцы захватили меня в плен, – говорит дядя Тима. – Не знаю, почему они меня сразу не добились? А вот жизнь в плену была хуже ада. Сам нарывался на смерть, но она меня почему-то миновала.

– Да, – говорит отец, – пули свистели кругом, но то были не наши пули. Моя пуля достала меня на горе Воронья, что под Ленинградом.

С боями откатились к самому Ленинграду. Нашей роте пришлось оборонять высоту Воронья. Нам сказали, что эта возвышенность важный объект, с неё просматривается большая часть города. Да мы

и сами понимали важность этой высоты, напор был сильнейший. Хорошо, что у них не подошли ещё танки. Нам уже два раза пришлось ходить в штыковую, и от роты осталось чуть больше взвода. Рота обороняла Воронью из последних сил. Фашисты жали. Мы надеялись на подкрепление. Высоту никак нельзя было отдавать.

Трое связных посланных в полк, обратно не вернулись. Вызвался я. Командир роты, ещё мальчишка, да и я не старик, благословил меня словами: «Отец, на тебя вся надежда!». И я пополз. Пули роем пронеслись надо мною, но, видимо, ещё не было моей. На пути в полк, встретил и своих товарищей, но уже ничего не могло им помочь. Одна мысль в голове – только вперёд, только добраться! Не знаю сам как очутился в штабе полка. Доложил обстановку и мне сказали, что на помощь выступает целый батальон, и мне идти с ним. Но мне нужно было поддержать своих товарищей морально, сказать, чтобы держались, помощь идёт! Я спросил разрешения и подался обратно в роту один. Где-то на полпути меня и достало. То была моя пуля.

Наверное, так бы и сгинул. Но, идущие на подмогу, бойцы батальона обнаружили меня и отправили в госпиталь. Очнулся через две недели, три месяца не разговаривал, а потом меня «Дорогой жизни» отправили в Вологду, где с трудом и начал говорить.

Пуля прошла сквозь голову на вылет, и врачи посчитали, что я не жилец. Списали под чистую.

Во время ранения у меня были потеряны все документы, в том числе и партбилет, поэтому я сегодня бондарь, а не начальник, – пошутил он мрачно. При этом шрам через всю щеку у него стал иссини багровым. Я понял, что все эти нерадостные воспоминания вызывают у отца боль.

Уговорил врачей, – продолжил отец, – сообщить родным. И в июле 1942 года, в разгар войны, за мною приехала Нюся. Чего ей стоило в то время добраться из Острогжска до Вологды и обратно, да ещё со мною зайкой, сам Бог знает? А она не любит об этом вспоминать – Главное остались живы, и детей не оставили сиротами, – говорит она. Врачи посчитали, что я больше года не протяну, а я вот уже девять лет топчу эту землю и надеюсь на большее, потому что люблю жизнь во всех её проявлениях. А гора Воронья перевернула всю мою жизнь, и не только мою, всей страны. Сколько было таких безымянных высот, и даже гор, но выстояла Россия. А дальше...

Давайте спать, а то вон и костёр гаснет. Завтра работать надо, а вечером и поговорить можно.

Мы, вздохнув, послушались его и стали устраиваться на валежнике, подстелив телогрейки-ватники. В лесу посветлело, взошла Луна. Да и ночи летом короткие – ещё не наступила настоящая тьма, а уже чувствовался рассвет. Посветлели верхушки деревьев. Сон одолел всех. И снился мне отец в образе былинного богатыря.

Нас разбудили взрослые. Наскоро перекусив горбушкой с чаем, мы бросились на поиск сухих деревьев в предвкушении интересного вечера. Тогда мы пацаны с огромным интересом воспринимали рассказы о войне из уст самих участников – фронтовиков, а книги появились позже. Сегодня ни того, ни другого нет, а «уроки мужества» проводят те, кто и сам войну знает понаслышке. Вот отсюда и дефицит знаний о настоящей войне, и неполное понимание того, что пережила наша страна и народ в той страшной войне. И сегодня никто полностью не даст ответа – Так почему мы выстояли и победили?

Вечером начались воспоминания фронтовиков. Больше было рассуждений о том, почему мы победили?

– Знаешь, Тимофей, – говорит дядя Тима, – я побывал в концлагерях в странах Европы. При своих побегах приходилось сталкиваться с местными жителями. Все ненавидели Гитлера, но были и гады.

– Это точно! – поддерживает отец. – У нас тоже не все святые. Ты не поверишь, но меня выдала наша соседка. Вроде и жили дружно, но зависть... Ей нравился наш дом, который она называла «дворцом», по сравнению со своим. Вот и попутал Бог!

– Таких немного, но они портят жизнь остальным. Из таких, наверное, и рождаются Гитлеры и Гиммлеры? Но вот скажи, чего им не хватало в своей Германии, чего они полезли на другие страны? – вопрошает дядя Тима.

– Власть и политика – два зла на земле! – вторит ему отец. – Они не дают человеку покоя. По мне так была бы земля родная, семья и дети, которые продолжили моё дело. Чтобы они были счастливы на своей земле и продолжили наш род... Правда, Вадька? – обращается он ко мне. Я киваю головой. – За это и сражались. Я всегда шёл в бой с этой мыслью. А потом уже во вторую очередь машинально добавлял – За Сталина!

– Многие говорят, что мы шли в штыковые атаки от отчаяния, – размышляет дядя Тима, – а мне, кажется, больше нас одолевала злость – Чего надо этим нелюдям на нашей земле?

– Всякое было, – говорит отец, – и отчаяние, и злость, а главное, ненависть к тем, кто пришёл к нам непрошенным гостем и творит жестокость! Почему проиграл Гитлер? Потому что он был не человек, а зверь. Люди не любят таких. Они всем миром встают против зверей. Но есть и трусы, а есть подлецы. Труса можно простить, а вот предательство и подлость никогда!.. Но, к сожалению, в каждом стаде есть паршивая овца...

– Тимофей, – перебивает отца дядя Тима, – откуда ты узнал, что на тебя донесла соседка?

– Дело прошлое. Она сама сказала мне об этом.

Я тогда долго думал, кому я перешёл дорогу? Забрали меня прямо из-за стола в обед. И хорошо, что полицаи, а не немцы. Бросили в наспех сотворённый концлагерь на торфяных разработках, которые я отлично знал. Хотя и слаб был, но ночью удалось бежать. Добрался до дома, а там меня уже оплакивают. Сразу же отправили меня к тётке в дальнюю деревню, где я, почитай, и просидел в погребке почти полгода. Когда освобождали Острогжск, не выдержал, вернулся в город. И опять попал в переплёт. В качестве проводника загребли отступающие мадьяры. Вывернулся, спасла солдатская смекалка. Нет, что не говори, Тимка, а мы с тобой везучие люди! Построить бы настоящую жизнь.

Мы неделю проработали тогда в лесу, слушая воспоминания своих отцов-фронтовиков. А потом опять была городская работа, учёба в вечерней школе и дорога во взрослую жизнь. Как говорил уже покойный друг моего детства: «Счастливый ты, Вадим. У тебя был отец, хотя и инвалид, но правильный мужик!». И, действительно, безграмотный, всё отбила пуля – ни писать, ни читать он не мог, считать мог в пределах простейших арифметических действий, но мыслил всегда правильно.

Жизнь его, действительно была рядовой. Умер он мгновенно от кровоизлияния в голову. Прожил он после того страшного ранения сорок лет. В 80-х, когда мы провожали отца в последний путь, тогда ещё не было моды хоронить людей скрытно, на кладбище везли на открытой машине через весь город, люди останавливались на тротуарах и узнавали его, говоря в след добрые слова: «Пусть тебе, Тимофей, земля будет пухом»!

Историю жизни моего отца, хотя и рядового бойца простого рабочего, можно развернуть в целый роман, ведь в его жизни отразилась целая эпоха войны и послевоенного восстановления страны.

Отец всю жизнь мучился головными болями, терпел, но виду не показывал. Однажды у него без

боли выпали все зубы. Сам удивился и нас удивил, показав за обедом горсть выпавших зубов. Всё это были следы ранения. Но физически он был крепок и ему никак не хотели давать инвалидность, ссылаясь на отсутствие документов о ранении.

Я служил на Северном флоте, получил от мамы письмо. Письмо было радостным. Она сообщала, что отец вышел на пенсию. Его вызывали в военкомат и в торжественной обстановке вручили медаль «За боевые заслуги» за №2667006. Это была награда за бой на горе Воронья в 1941 году. Позже на слёте фронтовиков, кавалеров медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» уже в 2000 году, они мне объяснили, что получить медаль в то время было равносильно получению большого ордена позже. Это, когда мы погнали фашистов, на награды не скупилась.

Отец очень гордился этой его единственной наградой. В каждый мой приезд, вспоминал об этом событии. Ныне эту медаль, как святую реликвию, хранит сестра. Она до конца жизни родителей была с ними.

В 1978 г. поисковики нашли партбилет отца на горе Воронья. Но он так и не восстановился в партии, на то были причины. Его никто не беспокоил, но никто и не помогал. Кому он был нужен безграмотный фронтовик, раненый в голову, кроме нас. Мы только вспоминаем мёртвых, а до живых у нас дела нет! Через три года его не стало. Он так и не дожил до светлого завтра, которое ему обещала партия. Не доживу, наверное, и я до светлого завтра, которое обещает уже другая партия, совершенно с противоположными взглядами...

Конечно, не всем ныне живущим, понравится правдивый рассказ про моего отца. Но факт остаётся фактом, что из таких, как он состоял народ, который 76 лет назад победил страшного зверя – фашизм! Сегодня поколение другое. Лучше или хуже, покажет жизнь! Но мы не должны забывать своих отцов и того, что они сделали для нас. И пока мы живы – помнить о них всегда.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла земля от обстрела!

– писал фронтовик, поэт Михаил Дудин. И он был прав, обстрел России продолжается со всех сторон.

Третье место и звание лауреата. **Можаев Александр Николаевич** – родился в 1956 году в хуторе Можаевка Тарасовского района Ростовской области. Окончил сельскохозяйственный техникум,

работал скотником, комбайнёром, механизатором. В 1983 году М. А. Шолохов дал молодому писателю рекомендацию в Литинститут им. А.М. Горького, который он окончил в 1989 году. Сегодня это известный писатель России. Лауреат Шолоховского конкурса 2005 года. Член Союза писателей России.

Живёт на хуторе Можавка.

Балерина – баба Лёля

«Вжик, вжик, вжик...» – ранним утром коса поёт звонче.

Баба Лёля, широко раскидывая ноги, пританцовывая, идёт впереди. Я вижу лишь её сутулую спину да большие мужские руки. «Вжик, вжик, вжик», – в ровный валок ложится метличка. Я с любопытством жду, когда же она остановится, передохнёт. «Вжик, вжик, вжик...» – качается впереди её тень. Я приехал на недельку отдохнуть к бабе Лёле, но разве усидишь без дела, если старуха до зари на косьбу поднялась, вылёживаться – со стыда пропадёшь.

Утро ясное, утро свежее. «Вжик, вжик», – и кажется не коса – росинки звенят. Я прибавляю ход, но старуха не уступает. Двужильная.

– Баба Лёля, какой тебе год?

– Как? – баба Лёля, наконец, приостанавливается.

– Какой тебе годок? – кричу я.

– Да ты не ори, я чай при памяти. Годок спрашуешь? Я ещё на ребят поглядываю, – смеётся она, утирая широким рукавом рубахи пот. – В войну двадцать пять было...

Снова поёт своё «вжик, вжик» коса – ложится трава. Баба Лёля умеет разговаривать, не отрываясь от дела.

– Я в войну такой неумёхой была – срам, – не оборачиваясь, говорит она. – За Васей сроду ничего не знала – всё он. Вася со двора – хоть помирай, ничего не ладится. Трое детей не дают шагу ступить. Батька твой старшим был – ему пять, а энти... Взяла Васину косу, пошла в сад. Елозю-елозю – нет дела. Что ни махну, то в землю «носом» воткнушь, то на пень налечу. Я реветь во весь рот. Вот он дядя Устин: «Чего кричишь?» – «Да вот Вася ушёл... Воюет, а у меня дома коса разлаженная». Взял дядя Устин косу, махнул – трава так и легла. «Э-э, то ты, девка, разлаженная... она тебе не по росту...» Я пуще реветь. «Не кричи, я налажу». Пристроил ручку по мне. Взялась – легче получается, а сил нет. Вот дядя следом ходит и учит. Ему тогда девятый десяток шёл. Пособлять – никудышний, спасибо, совет даёт: «Ты, Лёля, на бугорок не коси, не потянешь, ты под бугорок, да под ветер. Под ветер трава сама под косу клонится. На пяточку жми, на пяточку». И пошла я косарить. «Ручками» не ходила – все кулигами танцевала. Здесь кулижку выхвачу, там, потом что останется – добиваю. Бывало, попервах самое худшее валю. Бью, бью – вот уж сил нет, а тут пырёёк остался, а как кто выхватит? – нет, давай дальше бить. И так покуда не упаду с ног. Вот опять коса разладилась, ручка сломалась – опять реву. Как новую не прилаживаю – нет дела. К дяде Устину. «Ну, что у тебя?» – «Ручка не гнётся. Какую ни гну – все ломаются». – «А ты из чего гнёшь?» – «Из вербы, как Вася». – «А где вербу берёшь?» – «Где ж, тут же, за садом». – «То не та верба, Вася из толоватки гнул». Принесла толоватку, приладила ручку. Косить – опять беда, коса притупилась, не берёт. Как не бью бруском – не берёт. Давай до Устина. Взял тот молоточек, сел к коваленьке. «Тюк, тюк», а сам уж по косе не попадает, Бог весть куда лупит. «Дядя, ты, чай, разучился?» – «Что там разучился, я не вижу её, холеру». Что не видит глазами – признаёт, а не слышит – тут обижается, в оскорбленье глухим слыть. Бывало, кричу-кричу ему – не докличешься. «Дядя, ты чи глухой?» – «Чего? А-а. Чё там глухой – не глухой. Я не пойму только». Беру молоток, давай сама тюкать. Дядя Устин за плечом кряхтит: «На мягкую траву вверх оттягивай, на целинку – к низу...» Вот и косы сама научилась оттягивать. Всё через руки прошло, пока детей поднимала. Васе на фронт пишу: «Не убивайся там, Вася. Я сено уже накосила, а значит, слава Богу, с детишками переживём». Потом как спужаюсь: вдруг как не поверит, что накосила сама. Ещё придумает там чего, и дописываю: «Сено косила под приглядом дяди Устина». А с дяди Устина какой приглядчик... За ним самим кабы кто смотрел, того и гляди в своем дворе заблудится.

Я – хороший косарь, меня с детства баба Лёля учила – стыдно плохо косить, но не перестаю удивляться ей, откуда в ней эта сила, двужильная выносливость.

– Баба Лёля, ты у меня как балерина, шучу я.

– Что такое говоришь, Сашка?

– Как балерина, говорю. Учёные подсчитали, что балерина приравнивается по нагрузке к косарю. Ты б у меня всех плисецких переплясала.

– Ну ты, Сашка, скажешь такое... – улыбается пустым ртом баба Лёля. – Тоже, балерина... – но самой сравнение нравится.

На просторе солнце и ветер быстро сгоняют росу. Скоро заиграла бронзовым блеском метличка.

– Ну что, баба Лёля, коси, коса, пока роса, роса долой и мы домой. Пошли?

– Щас пойдём, Саша, щас, – обещает старуха. – Вот ещё до той яблоньки дойдём.

Вот и яблонька.

– Пошли, баба Лёля?

Солнце печёт, в тягость косьба, хочется в речку прыгнуть.

– Да ты иди, Сашка, иди, а я щас. Вот тут по вишнечку пройду. По вишнечку в тенёчке травка мягкая, и без росы косится.

«Вжик, вжик, вжик...» – разве ж оставишь старуху. «Рипь, рипь», – попискивает у меня рассохшаяся ручка.

– Ты б салом её смазал, что она у тебя южит, как телега, – посмеивается баба Лёля. Ей ещё до шуток.

Сенокосы здесь вольные, коси что хочешь, а баба Лёля за метличку берётся.

– Баба Лёля, давай пырей валить.

– Пыреи подождут, а метличка ещё неделю перестоит и пропала.

– Так покосят же пыреи за неделю!

– Ну покосят, так что ж – всё нехватишь.

– Далась тебе эта метличка, – ворчу я. – На пыреях и руки б свежие были, и сена б навалили...

– Так пропадёт же метличка, – детским растерянным взглядом смотрит на меня старуха.

– Баба Лёля, тебя надо в Красную книгу занести.

– Это чего?

– Единственный экземпляр в своём роде. Не дай Бог помрёшь – больше таких не сыщешь.

Она у меня на самом деле чудачка. Косит-косит, потом станет. Цветок какой-нибудь попадётся, давай его обкашивать, да траву вокруг оббирать.

– Баба Лёля, ты не женьшень нашла?

– Да нешто у нас он водится? Цветок... пусть себе...

Не успею я как следует накупаться – баба Лёля с вилами бежит.

– Ты чего, баба Лёля?

– Вон марь наплывает, не дай Бог, дождь, – ворошить надо.

– Это марь от жары. Не будет дождя, – заверяю я.

– Ну не будет, и слава Богу, а пойдёт, не завернёшь. Он всегда, скоко помню, ни тогда, когда просят, а когда косят.

Своё поворошим, только домой правиться – чьи-то пыреи лежат, не ворошённые, снизу уж подпревать начали. Баба Лёля давай их ворошить.

– Баба Лёля – это ж не наше.

– Что ж, что не наше – пропадёт.

Хозяин застанет:

– Ты чего тут делаешь, бабка? Чего влезла в чужое?

– Так пропадёт...

– Тебе-то что до этого?

– Жалко, сгинет.

Недалече от нас мужики. До обеда косят, потом сядут в холодке, бабы ворошат – они выпивают.

– Надо ж какое здоровье! – восхищается баба Лёля. – Я после таких трудов и есть не могу, не то что пить...

– Пить, бабка, не есть – жевать не надо, – смеются мужики.

Вечером чуть живой сажу за столом. Баба Лёля кормит меня молодой картошкой и тёплым молоком.

– И охота тебе, баба Лёля, колотиться с этой коровой? Продала б её и отдыхала.

– Как же, ты ж вот приехал...

– Что ж... недельку побуду... Мог бы и у соседей купить.

– Да я уж и не могу, чтоб не мордоваться, – признается старуха. – Уморился?

– Да ну. Так...

– Вот такая история, – веселеют глаза старухи. – Идёт молодой казак сено косить, а старый на арбе с возом едет. «А ну, дед, прими с дороги, а то щас перепряну». Возвращается под вечер с косьбы – старый верёвки по дороге разложил. «Дед, убери верёвки, не переступлю». Укладывайся, Сашка, пораньше.

Пройдёт отпуск, но ещё долго будут ломить натруженные руки, а отойдёт новая Троица, прижарит июньское солнце и меня снова потянет в далекий мой край, к бабе Лёле, где на старой грушине висит, дожидаясь меня, коса.

- Поеду к своей балерине, – говорю я.
- Зачем тебе это сено?.. – ворчит жена.
- Как же, там бабка совсем загнётся.
- Загнётся... она ещё троих, как ты, загнёт. Отдохнул бы, балерун.
- Вот и отдохну там.

Не так давно, когда я готовился в дорогу, мне сообщили, что баба Лёля умерла. «Надо ж такое придумать, совсем не болела, утром еще косила, а вечером померла».

Я приезжаю в хутор, отбиваю бабкину косу и иду косить.

«Вжик, вжик, вжик», – ложится в валки трава.

– Кому косишь, Саня, корову завёл? – окликают меня.

– Так просто кошу, никому... Может завтра и не придётся уж. Если хотите – забирайте.

«Чудненький, в бабку, видать, пошёл», – говорят про меня в хуторе. А мне радостно.

Звание дипломанта. **Синицкий Геннадий Николаевич** – родился в 1973 году. Член Союза писателей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член литературно-художественного клуба «Шкатулка».

Победитель (дипломант) нашего конкурса 2020. Живёт в городе Невель Псковской области.

Реальная история

Главный редактор районной газеты Марина Калинина спешно набрасывала в черновике план очередного номера еженедельника. С минуты на минуту она ожидала визит некоего мужчины, назвавшегося в телефонном разговоре с ней Александром. Тема предстоящей беседы не была озвучена, но нервный голос собеседника поднимал в груди волнение к будущему диалогу, а фраза: «Нам надо с вами серьёзно поговорить, чтобы такого больше не происходило вообще», не просто интриговала, а заставляла отнестись к разговору предельно серьёзно и внимательно.

Постучав костяшками пальцев в дверь кабинета, вошёл седовласый мужчина предпенсионного возраста.

– Разрешите? Это я вам звонил.

– Да, пожалуйста, проходите, слушаю вас.

На секунду замявшись, мужчина начал свой рассказ:

– Я к вам вот по какому поводу. Дело в том, что буквально неделю назад, в прошлую пятницу, мою мать госпитализировали с артрозом нижних конечностей в хирургическое отделение нашей больницы. Маме 82 года, и с этим диагнозом нам приходится считаться и довольно часто проходить лечение в стационаре. Так вот, в пятницу мы её положили, а уже в понедельник узнаём, что у матери двухстороннее воспаление лёгких и её отправляют на лечение в областной центр.

От волнения у мужчины дрогнул голос, а глаза наполнились влагой.

– Как это могло произойти? – спросите вы, – а я вот тоже не понимаю! У меня в голове просто не укладывается, как возможно такое, чтобы в больнице отключили отопление в конце ноября месяца?

Я понимаю, что в начале отопительного сезона бывают накладки и сбои в системе. Но, простите, это медицинское учреждение! В нём должно быть всё отлажено и работать, как часы. Отключили батареи, так поставьте обогреватели в палаты, дайте дополнительные одеяла, проявите заботу о больных. Так нет же – полнейшее равнодушие! Неужели не понимают, что человек старый и ходит с трудом, лежит одна одинёшенька в холодной палате под тоненьким одеялом? – Александр замолчал, сглатывая подкативший к горлу ком и начал вытирать платком красные от расстройства глаза.

– То, что вы рассказываете просто невыносимо, – отозвалась Марина, – это словно ушат ледяной воды на голову.

– Это ещё не всё. После того, как поставили диагноз – пневмония, а её лечат только в областном центре. Мою старушку спустили вниз в приёмный покой и определили сидеть на стуле в холодном боксе. Она провела там четыре часа, пока они готовили сопроводительные документы и решали вопрос с транспортировкой, ведь до областного центра 240 км. Вы только представьте – четыре часа на стуле в холодном помещении с воспалением лёгких! Это, что вообще происходит у нас? Разве так должны поступать медики? Коновалы какие-то...

– Вы обращались в администрацию больницы? – участливо спросила Марина.

– Обращался – не то слово, – Александр тяжело вздохнул. – Конечно, обращался. Навёл там шороху по первое число. Удивляюсь, как они только меня в полицию не сдали. Если честно, то я сам переживаю, может перегнул палку, накричал там на кого-то незаслуженно, обидел. Но вы поймите меня правильно – эмоции просто зашкаливают от такого равнодушия, ведь у них тоже есть матери, бабушки и дедушки. Где же их чуткость, понимание, сопереживание наконец?

Марина, я понимаю, что не по адресу обратился. Я не хочу кого-то наказать или отомстить. Прошу вас только об одном – напишите про этот случай в газете. Пусть каждый из нас задумается о том, какими чёрствыми мы становимся к чужой беде. С нами происходит что-то очень не хорошее. Мы начинает терять человеческие ориентиры и превращаемся бог знает в кого. Такого больше не должно повториться ни с кем, понимаете?

– Разумеется, Александр, я вас очень хорошо понимаю, и как мать, и как дочь. Уверяю вас, всё, что от нас зависит, мы сделаем.

Когда за посетителем закрылась дверь, Марина развернула офисное кресло к окну и крепко задумалась, глядя на макушки осиротевших без листвы деревьев.

"Что вообще происходит? – Марина мысленно повторила вопрос Александра. Это уже далеко не первая жалоба в адрес наших медработников".

Она отметила, что буквально вчера знакомый рассказал, как он с друзьями носил на носилках по этажам поликлиники вдову почившего пару лет назад командира поискового отряда. А всё потому, что в больнице, куда они её привезли на госпитализацию, попросту нет санитаров, которые должны состоять в штате медицинского учреждения и выполнять подобные функции. Их нет вообще. И я, если честно, даже не помню, были они когда-то раньше, в другие времена. Нет, по-моему, не было. Но я точно помню, что в больнице всегда работал лифт и был передвижной рентген. Поэтому больных не приходилось перемешать на носилках по улице в другое здание больничного городка, чтобы сделать несчастный снимок. Теперь же, это удел близких родственников, а если их нет и человек одинок?

Свалившаяся на мир пандемия, словно снежный ком прокатилась по нашей стране, являя на свет божий всё новые и новые проблемы в медицинском обслуживании. Хотя, причём тут пандемия?

Люди изменились. И это произошло не так давно, буквально за небольшой отрезок времени в наших головах поменялись приоритеты человеческих ценностей. Вот оно – настоящее лицо капитализма, когда личные интересы превыше общественных, когда важнее всего на свете стали деньги, стремление к обогащению, несмотря ни на что и ни на кого, потому что «Я» стала первой буквой алфавита.

Почему-то в памяти всплыла история пятилетней давности. Деревня из десяти дворов. Именно туда, в опустевший дом своих родителей, выйдя на пенсию, после долгих лет плавания вернулся отставной морячок. Постоянные походы по морям сослужили ему не добрую службу – остался бобылём. В деревне с радостью помогал старикам, живущим по соседству, кому воды, кому дрова. И вот, в один далеко не прекрасный для него день, морячок отморозил ноги. В районной больнице долго не думали – ампутировали обе конечности. Отлежав положенные в стационаре дни, мужчина, пребывавший в глубокой депрессии от свалившегося на него горя, получил документы на выписку. Из гаража медучреждения выделили автомобиль для доставки бедолаги в деревню. Привезли домой и положили на лежак у входа. Живи, как хочешь, называется. Спустя какое-то время мимо этого дома ехала машина из администрации местной волости. Время было зимнее, поэтому сидящих в авто женщин заинтересовали следы к дому и открытая в нём настежь входная дверь. Никак грабители орудовали, надо проверить. Но то, что они увидели, повергло их в настоящий шок. На затёртом от времени диване, лежал безногий мужик. На его обмотанных бинтами культяшках, виднелись засохшие бурые пятна крови, а по углам дома, посвистывая и теребя отставшие от стен обои, гулял холодный ветер...

Когда женщины поняли, что мужик ещё живой, шок сменился на крайнюю озабоченность его судьбой. Тут же бедолагу напоили чаем из термоса водителя и начали звонить во все инстанции.

Начавшийся было скандал спустили на тормозах по-тихому, не поднимая волны. Об этом стало известно руководству района. Там сделали соответствующие распоряжения, и морячка быстро определили в дом престарелых и инвалидов. Осадок от этой нелюбезной истории остался у многих, а выводы, похоже, сделали не все.

"А вывод простой, – сказала себе Марина, – надо в любой ситуации прежде всего оставаться человеком", – и повернувшись к рабочему столу, сделала новую пометку в плане следующего номера газеты.

Звания дипломанта. **Овчинникова Марина Борисовна** – родилась в городе Сатка Челябинской области. Окончила Челябинскую государственную академию культуры и искусств по специальности «документационное обеспечение управления» (2009). Выпускница Литературных курсов ЧГИК 2018 г. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в периодической печати, в литературных альманахах и сборниках. Лауреат и финалист многих литературных конкурсов. Живёт в городе Сатка.

Сердце слышит

Ранним утром Ольга спускалась по тропинке склона, который возвышался над тихими деревенскими улицами. Это был самый короткий путь от автобусной остановки до деревни. Сюда она не приезжала очень давно. С тех пор, как родители переехали в город – лет двадцать или больше...

На плечи ложилась тихая грусть по ушедшему детству, по беззаботным дням, с которыми связаны добрые, наивные, порой смешные воспоминания. Странное чувство – словно ее неожиданно посадили в машину времени и отправили назад, в прошлое...

Ольга приехала на свадьбу подруги – Наташки Смеховой, которая решила праздновать в доме своих родителей. С Наташкой они дружили давно: вместе учились в институте, жили в одном городе.

На косогоре Ольга остановилась передохнуть. С этого места можно было разглядеть всю деревню. Казалось, за столько лет ничего не изменилось. Внизу – знакомая речушка: на ее берегах ранней весной появлялись подснежники. Шаткий старый мостик. За ним Ольгу ждали пробудившиеся воспоминания. Вдали – лес, богатый разнотравьем, грибами и ягодами. Но сейчас – не сезон. Конец октября на дворе...

Ностальгическое настроение Ольги перебили торопливые шаги за спиной. Она обернулась. С ней поравнялся высокий широкоплечий парень. Ольга отметила, что у него приятное лицо. Даже крупный нос и выдающийся подбородок не портили его. Выглядел он модно: стильная куртка и вельветовые брюки, темная вязаная шапочка была надвинута на брови. Парень катил велосипед. Когда поравнялся с ней, вдруг улыбнулся и подмигнул.

На этом месте спуск был тяжелее. Незнакомец подхватил крупными руками свой транспорт, быстро спустил его с косогора. Уложил велосипед поперек мостика и вернулся к Ольге. Она в это время шла медленно, врезаясь каблуками в глинистую почву. Парень бережно взял ее под руку, помог спуститься. Ольга поблагодарила. Он не ответил. Что-то невнятно промычал, жестом попрощался с незнакомкой. И поехал по длинной деревенской улице. В голове Ольги промелькнула невероятная мысль! Она вдруг вспомнила глухонемого мальчика из далекого детства: «Ярик! Он ведь до сих пор, наверное, здесь живет?».

Ольга машинально приложила руку к затылку. На голове был шрам от камня, который однажды кинул тот мальчишка. Ольга, как сейчас, помнила день, когда на их улицу пришел Ярик. Им было тогда не больше семи лет. Обычно при появлении «глухонемого Ярика-дурачка» (так его дразнила местная детвора), все ребята разбегались. Дружить с ним никто не хотел. Так произошло и в тот раз...

Хихикая, Ольга с сестрой спрятались во дворе своего дома. Закрыли ворота на тяжелый засов и стали ждать, когда уйдет этот неприятный, непохожий на других мальчишка. Но Ярик не собирался уходить. Сначала он стал искать детей: ходил от дома к дому. Затем остановился возле ворот, за которыми, притаившись, стояли девочки, разглядывали его в щелочку. Ярик набрал кучу камней и стал кидать через эти ворота. Один большой камень нашел свою цель. Оля громко закричала, заплакала! На шум из дома прибежали родители! Ярик быстро скрылся в лесу...

Вернулся он домой только к ночи. Знал, что его не будут искать. Напрасны были и жалобы соседей на неуправляемого мальчишку. Ребенок-инвалид не интересовал родителей – беспробудных пьяниц.

А ведь Ярик не всегда был глухонемой. Он родился здоровым. Но в три года тяжело заболел менингитом. Болезнь дала осложнение, и мальчик стал инвалидом. Врачи много раз направляли Клавдию, мать Ярика, в областную больницу. Ребенка можно было еще вылечить, вернуть ему полноценную жизнь. Но «зеленый змий» творит с людьми страшные вещи: пила и Клавдия, и ее муж Радик – отчим Ярика, и многочисленные родственники. Один запой сменялся другим...

И мальчик остался на всю жизнь глухонемым. В этой семье был еще один ребенок – Андрей. Ему повезло больше: он родился и рос здоровым. Но страдал от пьянства родителей не меньше маленького брата...

Воспоминания бередили душу. Парень на велосипеде не выходил из головы. «Неужели это Ярик?» – Ольга присела на первую попавшуюся скамейку и достала смартфон. Быстро нашла его в интернете среди общих знакомых. Стала просматривать фотографии. Так и есть: парень с велосипедом – тот самый Ярик! Ольга подумала, что никогда не узнала бы его при встрече на улице. Под одной из фотографий Ярика был комментарий от некоей Аллы: «Ты в этой жизни – растение».

Ольга тяжело вздохнула и поспешила к дому Наташкиных родителей.

Уже издали увидела парня с велосипедом, который оказался Яриком. «Неужели его тоже пригласили?» – подумала и ускорила шаг.

На пороге Ольгу встретила Наташкина тетка – Галина Сергеевна, добродушная женщина лет шестидесяти. Раздеваясь, Ольга осторожно спросила про Ярика. Галина Сергеевна рассказала, что Ярик превратился в доброго парня с золотыми руками. Жители деревни его уважают и часто приглашают подзаработать. От родителей ему достался домишко. У него даже имеется свое небольшое хозяйство: корова, куры и две собаки. В благодарность за помощь его пригласили к

Наташе на свадьбу. Также Галина Сергеевна сообщила, что и Андрей, его брат, приглашен в качестве шофера одной из машин.

«Андрей-то вроде нормальным был. А вот Ярик совсем дурачком мне вспоминается. По голове мне хорошо тогда зарядил... В больницу даже пришлось ехать», – торопливо шептала Ольга. Нужно было скорее идти к гостям и невесте...

Через час все приглашенные дружно разместились в четырех автомобилях. Ольга села к Андрею. Рядом – Галина Сергеевна. Вперед посадили Ярика, который постоянно оборачивался и приветливо улыбался. Видимо, нечасто ему приходилось бывать на праздниках.

Громко сигнала, автомобили тронулись в путь. Машина Андрея замыкала вереницу. До ЗАГСа – чуть больше тридцать минут езды. Минуты, разделяющие жизнь на старое и новое. Трогательный момент.

Ольга разговорилась с Галиной Сергеевной и Андреем. Вспоминали детство, вечерние деревенские посиделки, покосы и праздники. Ярик с любопытством смотрел в окно, время от времени оборачивался и кивал спутницам, словно тоже участвовал в разговоре.

Выезд из деревни к трассе пролегал через заброшенные дачные участки. На ухабистой дороге после дождей образовались огромные лужи. Водители осторожно объезжали их.

Вдруг послышался лай собак...

– С десяток точно наберется, – проговорил Андрей, увидев бродячих животных.

Ольга с Галиной Сергеевной переключили свое внимание на лающих беспризорников. Ярик почему-то напрягся, глядя на собак, и как будто прислушался.

– Какой-то странный, воющий, лай у них, – заметила Ольга.

Ярик вдруг начал что-то объяснять Андрею: тряс его за локоть, беспокойно жестикулировал!

Водитель правой рукой резко оттолкнул брата:

– Ты что делаешь?! Ты чего от меня хочешь?! – закричал он на Ярика.

Повернулся к женщинам:

– До сих пор его жесты не понимаю!

– Он хочет, чтобы ты остановил машину! – догадалась Ольга.

Ярик продолжал стучать по стеклам, показывал на ручки автомобильной двери.

– Вот еще! Потерпишь до ЗАГСа! – сквозь зубы проговорил водитель.

Ярик понял: Андрей не собирается останавливаться. И начал громко мычать! Стучать по бардачку и передней панели!

Галина Сергеевна не выдержала:

– Останови! Вдруг у него что-то болит? Видишь, как разволновался...

Андрей резко нажал на тормоз!

Ярик выскочил из машины. Побежал в сторону лающих животных...

Андрей, Галина Сергеевна и Ольга пошли следом.

Когда оказались возле Ярика, увидели, что он стоит у открытого колодца и смотрит вниз. Животные при виде людей немного успокоились. Но все равно продолжали лаять.

Ольга заглянула в колодец и вскрикнула:

– Господи, там же собака!

Колодец наполовину был заполнен вонючей жижей. Задняя часть собаки была в воде. Передними лапами и грудью она опиралась на бетонные выступы в центре колодца, прижимаясь к ним мордой. Было ощущение, что животное много часов находится здесь. Собака выглядела изможденной. Тяжело дышала. Казалось, что силы ее на исходе.

– Собаке срочно нужна помощь! Посмотрите на ее глаза, – взволнованно заговорила Галина Сергеевна.

– И что теперь? В колодец прикажете лезть? Она дикая! У меня, например, нет желания быть искусанным, – Андрей пошел в сторону автомобиля.

Обернувшись, проговорил:

– Опоздаем! Поехали уже!

Ольга огорченно произнесла:

– Неужели совсем ничего нельзя сделать?

Медленно пошла за Андреем, спотыкаясь и оборачиваясь. Галина Сергеевна осталась на месте, удрученно глядела на собаку:

– Как же мы поедем на праздник, зная, что она здесь мучается и умирает? Ночью заморозки обещают. Мы для нее – последняя надежда...

Вдруг Ярик подбежал к Андрею. Схватил его за руку. Начал что-то объяснять по-своему, глухонемому.

– Слушай, Андрей! Он ведь тебя про веревку спрашивает. Собаку спасти хочет. Есть у тебя трос какой-нибудь? – с надеждой спросила Ольга.

– Как вы мне все надоели! Сдалось вам это безмозглое животное! – Андрей достал из багажника веревочный трос, бросил под ноги брату.

Ярик схватил веревку и побежал обратно к колодцу. Ольга поспешила следом. Андрей раздраженно

закурил и уселся в автомобиль. Включил местное радио.

Возле колодца остановился большегруз. Водитель КАМАЗа, увидев, что творится неладное, выпрыгнул из кабины. Поинтересовался, в чем дело.

Поняв, что происходит, быстро скинул куртку. Мужчины соорудили петлю на конце троса и стали накидывать ее на животное.

Собака как будто поняла, что верёвка предназначена ей: ухватила зубами трос.

– Посмотрите, какая умница! Держись, матушка. Держись, – шептала Галина Сергеевна, крепко сжимая локоть Ольги.

Ярик осторожно потащил собаку наверх. Все напряглись. Казалось, ещё пара секунд – животное будет спасено. Но сил у собаки не хватило... Почти у самого верха она отпустила трос и упала вниз. С головой скрылась в глубине колодезной бездны...

Галина Сергеевна вскрикнула, закрыв глаза. Ещё сильнее вцепилась в напряженную Ольгину руку.

Не прошло и пяти секунд – дворняга всплыла и ухватила лапами за спасительный бордюр. Если бы собаки умели плакать, это произошло бы сейчас непременно. Страх и безысходность выражали эти мутные глаза. Собака завывала. Отчаяние и мольба о помощи были в этом вое. Она просто хотела жить.

Ярик снова бросил трос в колодец. С третьего раза ему, наконец, удалось накинуть петлю на голову и переднюю лапу собаки. Умное животное снова ухватило верёвку зубами.

– Таааащи!!! – заорал водитель большегруза.

И Ярик потащил. До спасения оставалось полметра. Ольга нервно шагнула вперед и закричала: «Она соскальзывает с петли! Сейчас упадет!»

Наклонившись, водитель грузовика быстро протянул руки и схватил собаку за передние лапы. Резким движением вытащил беднягу! Все выдохнули напряжение, скопившееся в груди. Ярик бросился обнимать всех: Ольгу, Галину Сергеевну, водителя. Он ликовал!

Собака несколько минут стояла, как вкопанная, смотрела на своих спасителей. Потом, шатаясь и прихрамывая, побрела к сородичам...

Дальнобойщик похлопал глухонемого парня по спине. Помахал женщинам и запрыгнул в кабину. Посигналив на прощание, продолжил свой путь.

Всю оставшуюся дорогу до ЗАГСа Ольга с Галиной Сергеевной обсуждали произошедшее.

– Так на душе легко, хорошо стало. Будто человека спасли! – улыбалась Галина Сергеевна.

– А ведь собака действительно могла покусать, когда ее бесцеремонно схватили за лапы, – рассуждала Ольга, – но ведь поняла же, что мы ее спасаем. И дальнобойщик не проехал мимо...

Уставший Ярик в это время сидел тихо, откинув голову на кресло. Закрыв глаза, улыбался чему-то.

– Ярик, какой ты молодец! – Галина Сергеевна ласково погладила его по плечу.

От прикосновения он встрепенулся. Понимающе закивал головой, дружелюбно пожал в ответ руку Галины Сергеевны.

Ольга задумчиво проговорила:

– Как же Ярик понял, что собака в беду попала? Он ведь глухонемой?

– Он сердцем услышал, Оленька. Не каждому это дано...

Галина Сергеевна и Ольга, словно сговорившись, посмотрели на водителя. Андрей, встретившись глазами с ними в зеркале заднего вида, быстро отвел взор. Нужно было следить за дорогой. Поторапливаться. На праздник опаздывали.

Звания дипломанта. **Павлова Ольга Геннадьевна** – родилась на Урале. Окончив Пермский политехнический институт, работала инженером. Занималась общественной и благотворительной деятельностью – возглавляла общественное женское движение Прикамья. Начала свою литературную деятельность, как прозаик с 2016 года. Победитель литературного конкурса «Золотое Перо Алтая – 2018». Живёт в городе Барнауле.

Герасимович

Сентябрь 1944 года. Норвегия. Концлагерь.

5.00. Николай проснулся от стога рядом лежащего на нарах спящего соседа. У того постоянно болел желудок и даже во сне, тот часто от этого мучился. Скоро подъём, построение, что-то похожее на завтрак и работа. Тошнотворный запах потных тел, и храп соседей окончательно разогнал сон. Дни были одинаково серыми и тяжелыми. Он уже год, как оказался тут. Жизнь до войны в деревне и молодость помогают парню выдерживать заключение легче, чем многим другим. Сейчас смешно вспоминать, как в сельсовете договаривался, чтобы дописали в метрике три месяца к дате рождения, чтобы добровольцем успеть пойти на фронт. Так смоленский паренёк и оказался с белорусами и украинцами в одном бараке.

«А все-таки я – везунчик» – подумал он. Постепенно мысли унеслись в прошлое. На передовой его часто спасала интуиция. Если бы не любимая каска – давно был бы уже убит, а так – только 9 следов от пуль в ней, которую он обычно высовывал из окопа, одев на конец винтовки. Немецкие снайперы работали точно. Хотя охотились они за офицерами, а не на него, рядового. И еще он знал из своих наблюдений важное правило – никогда ничего себе не брать с убитого. Тот, кто позволял себе такое

– все погибали через короткое время. Сколько друзей похоронил, хотя предупреждал в разговорах.

Повезло и с лагерем. О северных соседях страшные вещи рассказывают. Немецкая охрана, уменьшили пайки, да и холода сильные, многие ребята кончают самоубийством или умирают от болезней. Хорошо, что не курю, а то бы мучился, как другие без табака. Вчера весть пришла из соседнего барака, наши войска продолжают наступление и уже дошли до Вислы. Дожить бы, хотя не знаешь, доживешь до завтра или нет.

10.00. Штурмбанфюрер СС Отто Фаст сидел в своем кабинете и предавался мрачным раздумьям. Перед ним лежал незаконченный отчет, который он, как начальник лагеря для военнопленных, должен ежемесячно отправлять своему начальству. Вести из Германии приходили не радостные. Было понятно, что война пошла не так, как планировалось. Пришла пора думать и о себе. Хорошо, что не успел завести семью, работа не позволяла.

«Может Вольдемар – прав, надо готовиться к худшему» – думал он, глядя в окно. Больные и ослабленные заключенные мели территорию лагеря, тогда как основной состав пленных был отправлен работать на лесозаготовки. На днях он ездил в соседний город и встречался с земляком. Тот за кружкой пива рассказывал страшные вещи про пленных немцев в России. Даже вспоминать не хочется о том, что он услышал, но выводы для себя – сделал.

Отто достал именной пистолет «Маузер 712», проверил. Последняя инспекция преподнесла ему его в подарок, хотя эту марку оружия уже сняли с производства. Если в плен, то только к союзникам или лучше пулю, но только не к русским. Иногда он ловил на себе злобные взгляды русских пленных. Он не понимал, почему такое отношение к нему, ведь он выполнял все по инструкции – все были одеты, всех кормили, оказывали медицинскую помощь. С лета, по приказу, увеличили рацион и отменили телесные наказания. Всё по законам военного времени. А он – солдат, который выполняет то, что ему приказано. Отто всё не мог оторвать свой взгляд от блестящего пистолета.

15.00. Арне делал обход территории лагеря. Норвежец был вынужден идти служить к немцам, так как это сделать попросил его старший брат, участник движения Сопротивления. Стейн всегда был авторитетом для всей семьи. Даже родители выражали ему особое почтение. Через день он приходил к Арне, и, между прочим, в разговорах интересовался, что происходит в лагере. Арне понимал, что это не простой интерес, но старался не думать об этом.

Служба давала ему возможность помогать особо ослабленным пленным. Во время дежурства он поочередно выводил их поодиночке за бараки и подкармливал. Сердобольная Келда постоянно ему на работу готовила двойную порцию еды, понимая, что муж обязательно поделится с пленными, с теми, кто особо нуждался в дополнительном куске хлеба. Иногда подкидывали еду для пленных соседи. Помогало и то, что за работу охранником, немцы ему платили. Было на что покупать лишние продукты.

Сегодня он будет кормить особенно «заторможенных» пленных, которые уже на грани жизни и смерти. Может, они еще как-то протянут, до холодов. Да и сегодня, зная, что он работает, придут несколько женщин из города, принесут еду и одежду пленным, главное – не подходить к месту передачи посылок, делать вид, что не замечает...

20.00. Охраннику Бертолле было холодно. Сентябрь был тёплым, но его сицилийское тело постоянно нуждалось в тепле. Не грел и свитер, связанный женой Антанелис. Как она еще догадалась и успела тёплую одежду засунуть в последний момент, перед отправкой на фронт – осталось для него загадкой. А вот для чего Дуче втянул его в войну – знала только Дева Мария. С ней-то Бертолле сейчас и общался, приняв свою смену, выйдя на охрану лагеря. Сегодня ровно три года его работы в лагере для военнопленных.

Год назад, когда была оккупирована Италия, ему пришлось, спасая свою жизнь, подписаться на верность Германии. При нём расстреливали тех, кто отказывался. Он предпочёл жизнь. Что происходило в Италии и происходит сегодня – он до сих пор не мог понять. Информации мало, а которая до него доходила после цензуры писем – удивляла противоречивостью.

Хорошо, что не отправили в Россию воевать. Мама в письмах сообщала, что их сосед, который там воюет, постоянно голодает и вынужден заниматься мародерством. Через полгода – погиб, где-то под Сталинградом

22.00. За окном шел дождь. Отто сидел в кабинете, решив заночевать сегодня здесь. Никак не получался отчет и вот только сейчас закончил. Достал коньяк. Пить не хотелось, но на душе было не спокойно. Постоянно мучили вопросы, на которые не было ответов. Как бы не стало их больше. Убрал коньяк обратно. Завтра надо съездить в город, зайти к Агнет, встретить ее после работы. Эти встречи на него действовали успокаивающе. «А теперь – спать!» – приказал себе штурмбанфюрер, и послушно начал расстегивать рубашку. Он еще не знал, что завтра возвращаясь от Анет, его догонят трое неизвестных и оглушат трубой по голове, после чего скроются и оставят его под дождем умирать.

Помолившись, Арне укладывался спать. Жена на кухне громко звякала кастрюлями, что являлось признаком её плохого настроения. Сегодня днём приходил сосед, расспрашивал Келду о Стейне. Сосед славился тем, что постоянно строчил доносы. «Бог не допустит!» – думал охранник, удобнее располагаясь в постели. Он и предположить не мог, что в ближайшие дни его брат будет казнён, а ему самому, с женой, придется бежать к родственникам на острова и скрываться там до окончания войны. После войны работу охранником ему спишут, воздав должное подвигам брата.

Сидя в будке для охраны, Бертолле под шум дождя слегка задремал. Ему снились праздник Святой Розалии, весело гуляющее население Палермо. Ветер и усиливающийся дождь вернули его в реальность. Пришлось встать и пройтись, чтобы немного согреться. Пленные спали. Замерзающий сицилиец, обходя ограждение лагеря, не думал, что доживет до конца войны, но после неё еще два года будет доказывать свою невиновность и зависимость от обстоятельств. Поможет демографический кризис и нехватка рабочих рук.

23.00 Николай давно уже спал, сказывалась усталость. Ему нужен был как воздух этот сон, чтобы завтра были силы встать и идти на работу. Работать – чтобы выжить. Непрекращающийся стон соседа не мешал его молодому организму крепко продолжать спать. Была только одна цель – выжить. Он отдыхал и не знал, что у него, ещё впереди, будет большая и счастливая жизнь. Жизнь на далёком Урале, где Николая Герасимовича Павлова, окружающие с заслуженным уважением будут звать просто – Герасимович. Жизнь, за которую он успеет ещё вырастить двоих сыновей, и трёх внуков.

До конца войны оставалось еще восемь месяцев, 244 дня.

интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце» и участник более 100 коллективных поэтических сборников и литературных журналов, выходящих в ДНР, России, Сербии. Руководитель международной литературной интернет-площадки «Современник». Дипломант международных конкурсов. Член Творческого союза «Союз писателей ДНР». Живёт в городе Донецк.

Нерушимая клятва

(БЫЛЬ)

Враги ворвались в город, когда мать работала в огороде – окучивала картофельные грядки. Борис и Юрка забрались на высокий абрикос, выполнявший роль наблюдательного пункта. По родным улицам пронёсся зловещий рёв вползающих танков, машин, мотоциклов, обозначенных чужой непонятной символикой. Тузик рвался с привязи, заклёбывался пронзительным лаем.

Советские войска отступали. Накануне, 21 июля 1942 года, прогремели тяжёлые взрывы – наши уничтожали шахты и другие важные стратегические объекты, которые не смогли эвакуировать. Город накрыло серое покрывало из пыли и едкого дыма. Першило в горле, чесались глаза. Наверное, поэтому мама плакала.

Фашисты вели себя как хозяева. Тут же расквартировались по домам. Население не спрашивали, рады ли потесниться и принять незваных гостей. В доме Бориса и Юры поселились два офицера. Детей с мамой бесцеремонно выставили в сарай, где раньше хранился уголь. Тузик больно получил в живот вычищенным до блеска сапогом за попытку защитить жилище от чужаков. Чтобы не нервировать немцев, собаку пришлось крепко привязать у сарая, подальше от глаз врагов. Началась новая жизнь, голодная и тревожная – двести шесть дней оккупации.

Война разлучила их семью, когда прошлым летом отец ушёл на фронт. Прощаясь обнял сыновей: «Вы теперь старшие, мужчины в доме. Берегите мать, не балуйте. Помогайте, пока батя сражается с врагом». С того часа мама каждый день ходила встречать почтальона с надеждой получить хорошие вести. Писем не было. «Ничего, – говорила мама, – значит, воюет ваш батя, некогда ему романы писать. Это плохие новости доходят быстро. Значит, он жив».

Борис и Юрка не боялись фашистов. Братья родились в городе Шахты, один за другим, разницей в год. Росли, бегали наперегонки с собакой по тёплой пыли переулков. С размаху падали в высокую сочную траву. Колоски смешно щекотали спину, нос. Тузик подскуливал от радости и облизывал маленьких хозяев. Разливался медовый аромат цветущей липы. Солнце ласково касалось лучами макушек непосед, окрашивало взерошенные волосы пшеничными красками лета. Это их улица, их небо, их родина. Чего бояться?

* * *

К глубокой осени стало голодно. Весь урожай, щедро подаренный землёй, фашисты тут же отбирали. Борис и Юрка ходили на заброшенные поля, выкапывали подмёрзшие капустные корнечерыжки, собирали сморщенные коричневые яблоки. Верный Тузик помогал детям рыть прихваченную ранним морозцем землю. Возвращаясь с нехитрым скарбом, тихонько заглядывали в окно своего дома. Немцы ужинали. На столе – открытые жестяные банки розовой тушёнки, отварной картофель, яйца. Дети с вождением смотрели на большие ломти белого хлеба, намазанные толстым слоем сливочного масла.

Мать быстро забирала мальчиков в их ветхое жилище и тут же начинала рассказывать одну из увлекательных историй, которых она знала превеликое множество. Голод отступал, когда Борис и Юрка отправлялись в воображаемое путешествие вокруг земли на маленьком плоту под парусом из листьев невиданной пальмы. В далёкой стране весело пели птицы, дружили люди и звери, солнце согревало всех, кто был добр.

Однажды, когда мальчишки с Тузиком бегали по двору, в калитку ввалились фашисты. Дети, как научила мама, побежали прятаться в сарай. Собака, почуяв алкоголь, бросилась на чужаков с лаем. Один из них мгновенно расстегнул кобуру, выхватил пистолет и трижды выстрелил в Тузика.

Младший Борис пронзительно закричал, рванул на помощь другу. Юрка едва успел крепко схватить брата за ворот рубашки, второй рукой закрыл ему рот. Слезы огромными горошинами катились по чумазым личикам детей. Из-под руки Юрки доносился почти собачий вой. «Тихо, тихо, мы Тузику уже не поможем...» – старался успокоить старший брат.

Это было первое огромное горе в их мальчишечьей маленькой жизни. Тузику было пять лет, ровесник Бориса. Братья и собака были неразлучны. Вместе росли, играли, с недавних пор, вместе выживали. Три дня младший был безутешен, не кушал, не переставал плакать днём и ночью. Утром четвёртого дня Юрка подошёл к брату, тихим, изменившимся голосом сказал: «Не плачь. Мы отомстим. Только никому ни слова.» Борис утих. В этот момент дети будто стали старше и мудрее.

Фашисты часто пили шнапс. Потом громко и противно храпели так, что слышно было на улице. В один из таких вечеров, когда мама ещё не вернулась с работы, мальчишки пробрались в дом. Каждая половица была знакома. Казалось, родные стены помогают в полной темноте бесшумно найти цель. Португепя висела на стуле. Сердце стучало сотнями боевых барабанов. Осторожно высвободив из кобуры пистолет, мальчишки так же быстро и осторожно выскользнули за дверь.

Борис и Юрка мчались по улице, не замечая колючего ветра. Страшный смертельный металл обжигал руки. Не сговариваясь, братья остановились у колодца.

– Юра, оружие у нас есть. Может, подадимся на фронт, найдём батю и будем вместе врага бить?

– Борька, всё оно так. Да на кого маму оставим? Мы за старших теперь. Пропадёт она без нас.

Пистолет полетел в ледяную бездну. Всплеск воды. Больше он никого не убьёт.

Бежали домой, не проронив ни слова. В сарае, что временно стал домом, было темно и холодно.

– Поклянись, что ни за что и никому не расскажешь об этом!

– Клянусь!

– И я клянусь!

Впервые за долгое время, мальчики быстро уснули, крепко прижавшись друг к другу.

Пропажу обнаружили на следующий день. Немцы перевернули дом, а затем принялись за детей.

– Где пистолет? Отдайте и вам за это ничего не будет. Я угощу вас вкусным белым хлебом с маслом.

– Лживо-притворный голос напоминал дёготь для смазки колёс.

– Мы ничего не брали... – Мальчики теснее придвинулись друг к другу.

– Тогда вас и вашу мать сейчас казнят! – взвизгнул фашист, направляя ствол пистолета на маму.

Женщина прижала к себе мальчиков и горячо заговорила:

– Дети, если вы брали этот пистолет, если вам захотелось поиграть, то отдайте. Или скажите, где он.

Братья изо всех сил держались за руки. Пальцы побелели, а из глаз вот-вот готовы были вырваться предательские слёзы:

– Мама, мы не брали ничего.

Пистолет так и не был найден. Ещё бы, ведь Борис и Юра остались верны своей клятве, отомстили за Тузика, уничтожили оружие врага. Это была их капля в общую Победу.

Комментарии